

№ 4-й. — 1906.

Тодъ изданія 1-й.

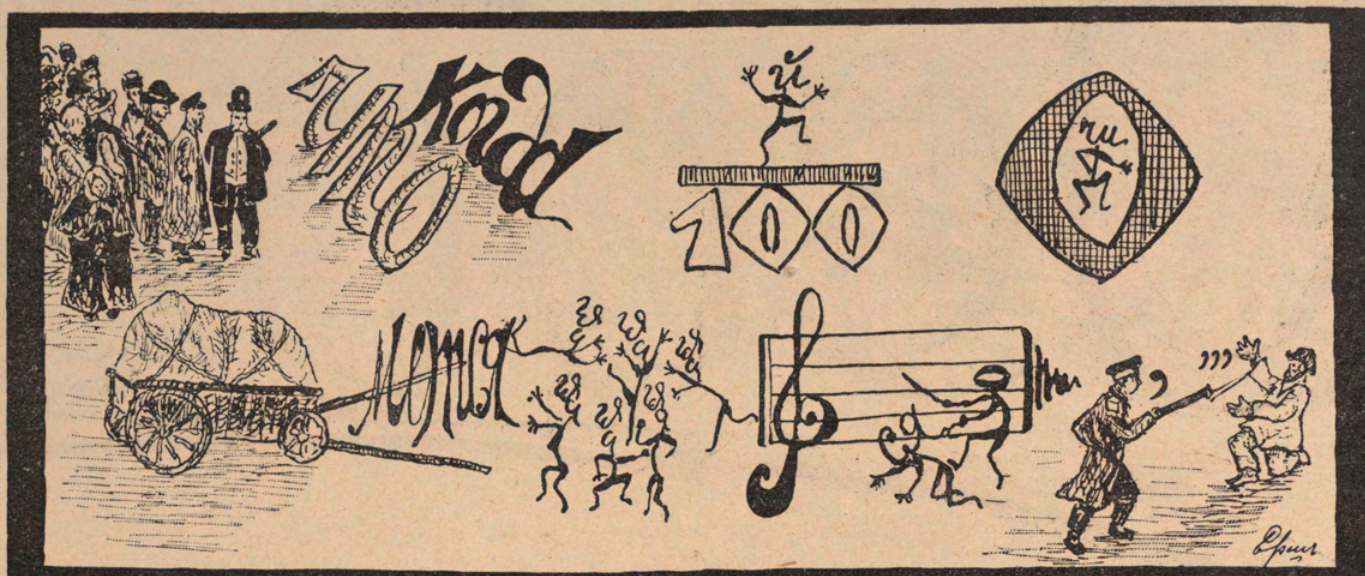
Цѣна № 10 коп.

DK 262
.R9
Rare 6p.
2000

ОЗОВЪ

Журналъ литературно-сатирическій.

Рѣшеніе ребуса въ слѣдующемъ №.

„О в о д ъ“

Вся природа саваномъ одѣта...
Все живое замерло и спитъ...
И весна не шлетъ еще привѣта,
И весельемъ пѣсня не звучитъ...

Только „Оводъ“ знаетъ свое дѣло
И во все, что пошло и темно,
Запускаетъ лихо и умѣло
Жало: это намъ разрѣшено!..

Жоржъ.

Въ дни реакціи.

По А. Толстому.

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
„Сдайтесь, борцы, свѣтлой правды носители!..
Вольности смерть въ нашъ періодъ мучительный!
Многс-ли васъ наберется мечтатели?
Сдайтесь натиску грознаго времени!..
Русь отрезвилась!.. Прошли увлеченія!..
Гдѣ-жъ устоять вамъ, незрѣлому племени,
Противъ теченія?“

Други, не вѣрьте! Все та же кипучая
Воля насъ манитъ святая, свободная!
Та же плѣняетъ идея могучая,
Тѣ же насъ радуютъ волны народныя!..
Правда все та же! Средь мрака холоднаго
Вѣрьте грядущей зарѣ возрожденія!
Дружно, во имя народа свободнаго,
Противъ теченія!

Други, смѣлѣе! Напрасно мучители
Мнятъ побѣдить насъ разстрѣлами, пыткой!
На берегъ мы—темныхъ силъ побѣдители—
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ насильемъ—воля народная!
Съ вѣрою въ наше святое значеніе,
Гордо пойдемъ мы и смѣло и радостно
Противъ теченія!

Н. Б.

Прости, прости, меня родная
Отчизна-мать!..
Губителемъ роднаго края
Я долженъ стать!

Зачѣмъ казачкою донскою
Я былъ вскормленъ?..
Зачѣмъ ласкалъ струею
Широкій Донъ?..

Покинуть тихую станицу
Выходитъ срокъ...
Поѣду въ шумную столицу,
А путь далекъ...

И если откажусь я смѣло
Въ людей стрѣлять,
То самому тогда къ разстрѣлу
Придется встать...

Но пусть про сына не забудеть
Великій Донъ...
Отчизны палачемъ не будетъ,
Не будетъ онъ...

В. Князевъ.

Что думаетъ премьеръ, когда ему не спится.

Въ позднюю ночь надъ усталой столицей
Сонъ непробудный царить.
Только премьеръ подъ охраной полици
Мучится горько,—не спить.

Вертится въ страхѣ онъ, охаетъ, мается...
Что тамъ?! Не шумъ-ли враговъ?..
Вся ему долгая жизнь представляется,
Вся-то полна, вѣдь, грѣховъ...

Охти мнѣ! Какъ я министромъ-то сдѣлался,
Какъ пробивался съ трудомъ...
Ну-тко-се! Съ Плеве-то, съ Плеве покойничкомъ
Сколько шалили вдвоемъ!?

Ужасъ! Вотъ то-то... Мы съ молодую лютые...
Думаемъ: намъ наплевать!..
Судъ-то народный, отвѣтъ неминуемый!..
Какъ мнѣ его избѣжать?

Съ Побѣдоносцевымъ, да и съ Сипягинымъ,
Сколько мы бѣдъ принесли!
А Абаза-то? Вѣдь съ нимъ, съ Безобразовымъ,
Мы до войны довели.

Ну, а валюта? Казна-то несчастная!..
Съ водкою сколько препонъ!..
Тутъ и субсидіи, займы злосчастные,
Гурьевъ, Шараповъ, Гапонъ...

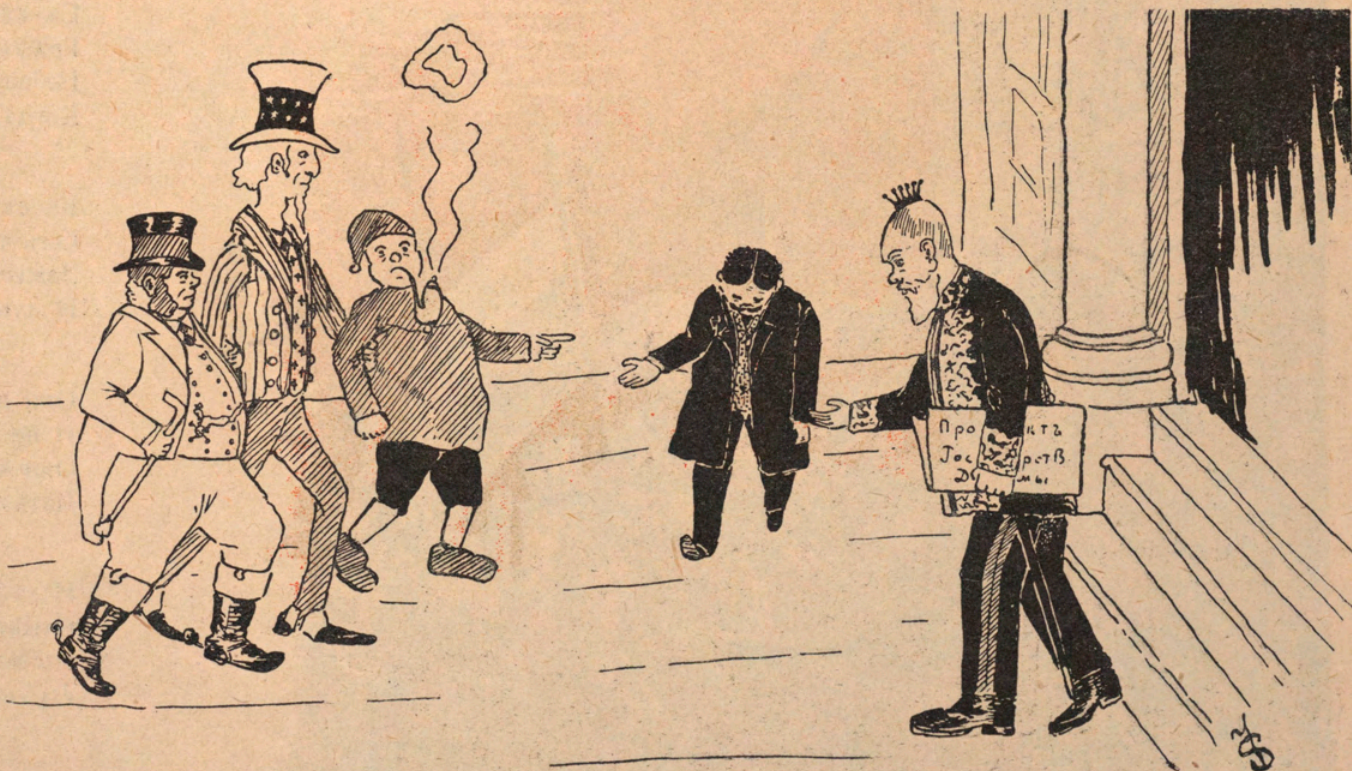
Охти мнѣ, охъ! Угожу въ мѣсто злчное!
Въ Портсмутѣ сколько я лгалъ,
Какъ добывалъ я корону-то графскую,
Какъ Сахалинъ продавалъ!..

Ну, а потомъ-то?.. И вспомнить-то горюшко,
Какъ я свободу вводилъ,
Какъ съ Дурново разыгрался я въ волюшку,
Черную сотню водилъ...

Ужасъ и кровь! Генералъ-губернаторы...
Штыкъ и нагайка... Тюрьма...
Ссылка, погромъ... Палачи, провокаторы...
Стонъ и ужасовъ тьма!..

То-то и грустенъ я, то-то разстроень я...
Денегъ мнѣ негдѣ достать...
Божія Матерь, святая заступница,
Какъ мнѣ суда избѣжать?..

Не-Буква.

Витте: Благодарители! Соблаговолите на построение Новой Думы.

Прохожие: И соблаговолили бы, кабы на васъ отъ думы о Думѣ раздумье не нашло: слишкомъ ужъ долго думаете.

Осколки.

Намъ передавали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что генераль Куропаткинъ намѣренъ устроить въ Великомъ посту выставку поднесенныхъ ему иконъ и благодарственныхъ писемъ отъ японскихъ военачальниковъ. Весь чистый барышъ онъ рѣшилъ употребить на открытіе школы «куропаткинской тактики»...

Разсказываютъ, что нѣкій адмиралъ, которому было поручено разслѣдованіе мятежа среди его подчиненныхъ—съ правомъ «помилованія»—изрекъ: «человѣка можно отучить отъ дурныхъ наклонностей, но не всегда. Старыя дрожжи могутъ забродить и жди тогда новыхъ бѣдствій. Радикальное леченіе въ такихъ случаяхъ—смерть! И приказалъ истребить всѣхъ, не разбирая виноватыхъ...

«На то и попъ, чтобы брать денежки», изрекъ Гапонъ, получивъ 30,000 рублей для «нуждъ» своихъ «прихожанъ».

Георгинъ.

Шапка Мер

„Во время обыска въ квартирѣ поэта Вячеслава Иванова жандармами похищена шапка поэта Д. Мережковского...“

Изъ газетъ.

I.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастья земного и небесной красоты
Мы всѣмъ сердцемъ отдавались чарамъ тайныхъ откровений,
Мы рвались душой въ предѣлы недоступной красоты.
И для насъ блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надъ главами наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты...

Съ какой улыбкой
Графъ Витте вышелъ
Не зарождался ч
Когда внималъ С

Какою пестрою х
Онъ ткань сѣтей
Зажегъ сердца м
И думалъ: „я др

Они внимаютъ о
И не замѣтили с
Они мнѣ вѣрятъ
Дать пищу тюрь

И за довѣрье—к
Отвѣтилъ тысяч
Но все-жъ хвала
Въ себѣ узрѣли

Опять пришли к
Что вижу я? Уж
Мнѣ измѣнили!!
И покраснѣлъ ег

Осколки.

Намъ передавали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что генералъ Куропаткинъ намѣренъ устроить въ Великомъ посту выставку поднесенныхъ ему иконъ и благодарственныхъ писемъ отъ японскихъ военачальниковъ. Весь чистый барышъ онъ рѣшилъ употребить на открытіе школы «куропаткинской тактики»...

Разсказываютъ, что нѣкій адмиралъ, которому было поручено разслѣдованіе мятежа среди его подчиненныхъ—съ правомъ «помилованія»—изрекъ: «человѣка можно отучить отъ дурныхъ наклонностей, но не всегда. Старая дрожь могутъ забродить и жди тогда новыхъ бѣдствій. Радикальное леченіе въ такихъ случаяхъ—смерть! И приказалъ истребить всѣхъ, не разбирая виноватыхъ...

«На то и попъ, чтобы брать денежки», изрекъ Гапонъ, получивъ 30,000 рублей для «нуждъ» своихъ «прихожанъ».

Георгинъ.

Шапка Мережковского.

„Во время обыска въ квартирѣ поэта Валеслава Иванова жандармами похищена шапка поэта Д. Мережковского...“
Изъ газетъ.

I.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастья земного и небесной красоты
Мы всѣмъ сердцемъ отдавались чарамъ тайныхъ откровений,
Мы рвались душой въ предѣлы недоступной красоты.
И для насъ блистало солнце въ дни весеннихъ упоений,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надъ главами наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты...

II.

Въ царство ландыша и розы, бурныхъ сновъ и тихой грѣзы,
Въ царство счастья земного и небесной красоты
Къ намъ ворвались вдругъ жандармы... И тотчасъ же смявши розы,
Съ громкимъ хохотомъ вандаловъ—что за жалкіе кроты!..
Обыскали царство грѣзы, царство ландыша и розы,
Перерыли, обыскали, шапку спѣрли и ушли.
И помяты наши розы, потускнѣли наши грѣзы, мы, стыдливыя мимозы,
Проливали горько слезы: гдѣ ты шапка, гдѣ же ты?..
И въ сознаньи оставаясь безусловной правоты, мы, поэты восклицали,
чуя гибель красоты:

Спѣрли шапку... Вотъ скоты!..

Не-Буква.

Осколки.

Въ высшихъ сферахъ упорно циркулируютъ слухи, что главною причиною смерти знаменитаго Драгомирова было предполагавшееся назначеніе гр. Игнатьева на постъ диктатора, съ которымъ покойный состоялъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Припоминаютъ при этомъ историческую фразу, сказанную Драгомировымъ: «лучше смерть безъ отпущенія грѣховъ, чѣмъ быть разстрѣляну другимъ; Алексѣй Павловичъ на этотъ счетъ молодецъ—первымъ долгомъ постарается оказать услугу другу, когда станетъ править «по Наполеону»!..

«Не должно быть такого редактора, который не былъ бы арестованъ», сказалъ нѣкій министръ, отдавая приказъ объ арестованіи всѣхъ «свободныхъ» редакторовъ.

«Благодаря русской щедрости—я сдѣлалась «помѣщицей»,—сказала, покраснѣвъ, одна артистка, создавшая танецъ «па-де-флотъ».

Георгинъ.

Съ какой улыбкою довѣрья
Графъ Витте вышелъ на балконъ...
Не зарождался червь невѣрья
Когда внималъ Союзу онъ!

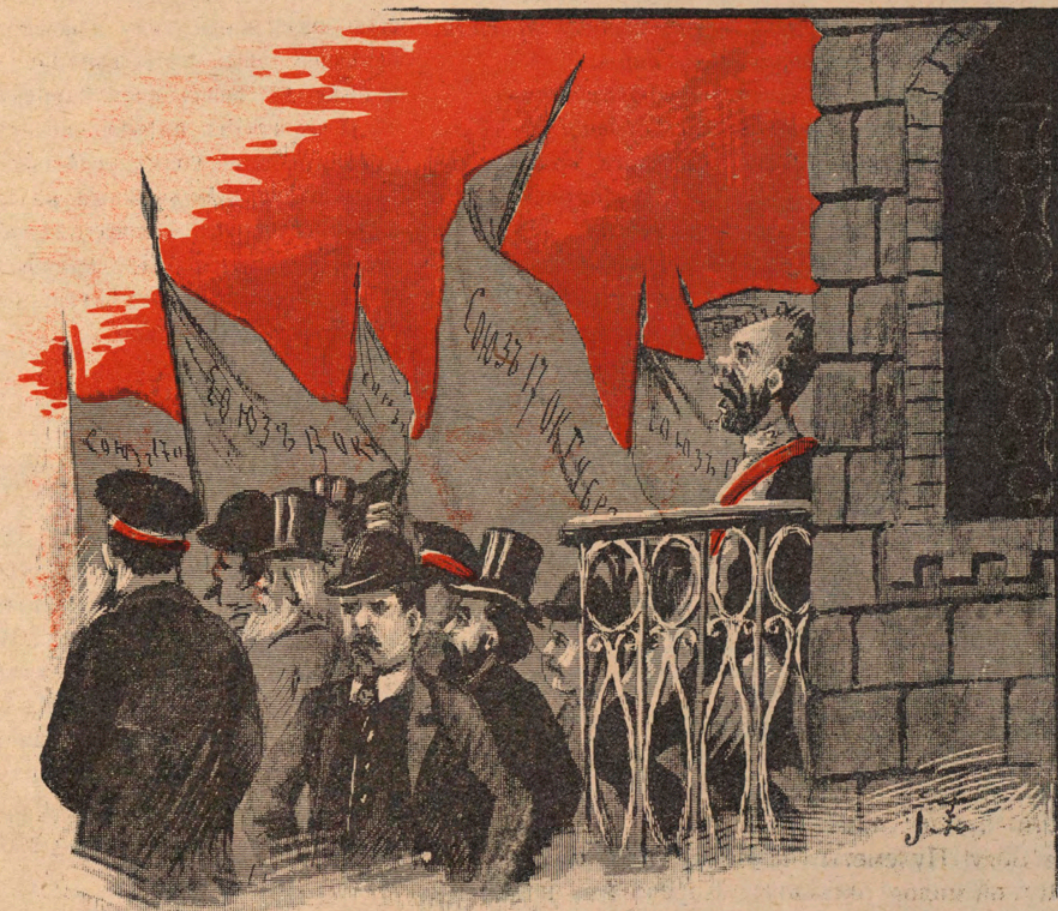
Какою пестрою химерой
Онъ ткань сѣтей умѣло плелъ,
Зажегъ сердца могучей вѣрой,
И думалъ: «я друзей обрѣлъ».

Они внимаютъ безъ боязни...
И не замѣтили сѣтей...
Они мнѣ вѣрятъ: нужны козни,
Дать пищу тюрьмамъ и... плетей...

И за довѣрье—какъ къ пророку—
Отвѣтилъ тысячами смертей!..
Но все-жъ хвала злодѣямъ, року:
Въ себѣ узрѣли мы людей?

Опять пришли ко мнѣ—какъ братья...
Что вижу я!? Ужель не сонъ?
Мнѣ измѣнили!! о проклятыя!!
И покраснѣлъ его балконъ.

Г. Онѣгинъ.

ежковскаго.

II.

Въ царство ландыша и розы, бурныхъ сновъ и тихой грёзы,
Въ царство счастья земного и небесной красоты
Къ намъ ворвались вдругъ жандармы... И тотчасъ же смявши розы,
Съ громкимъ хохотомъ вандаловъ—что за жалкіе кроты!.. —
Обыскали царство грёзы, царство ландыша и розы,
Перерыли, обыскали, шапку спёрли и ушли.
И помяты наши розы, потускнѣли наши грёзы, мы, стыдливыя мимозы,
Проливали горько слезы: гдѣ ты шапка, гдѣ же ты?..
И въ сознаньи оставаясь безусловной правоты, мы, поэты восклицали,
чуя гибель красоты:
Спёрли шапку... Вотъ скоты!..

Не-Буква.

Осколки.

Въ высшихъ сферахъ упорно циркулируютъ слухи, что главной причиной смерти знаменитаго Драгомирова было предполагавшееся назначеніе гр. Игнатьева на постъ диктатора, съ которымъ покойный состоялъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Припоминаютъ при этомъ историческую фразу, сказанную Драгомировымъ: «лучше смерть безъ отпущенія грѣховъ, чѣмъ быть разстрѣляну другимъ; Алексѣй Павловичъ на этотъ счетъ молодецъ—первымъ долгомъ постарается оказать услугу другу, когда станетъ править «по Наполеону»!..

«Не должно быть такого редактора, который не былъ бы арестованъ», сказалъ нѣкій министръ, отдавая приказъ объ арестованіи всѣхъ «свободныхъ» редакторовъ.

«Благодаря русской щедрости—я сдѣлалась «помѣщицей»,—сказала, покраснѣвъ, одна артистка, создавшая тапецъ «на-де-флотъ».

Георгинъ.

ю довѣрья
челъ на балконъ...
рвъ невѣрья
юзу онъ!

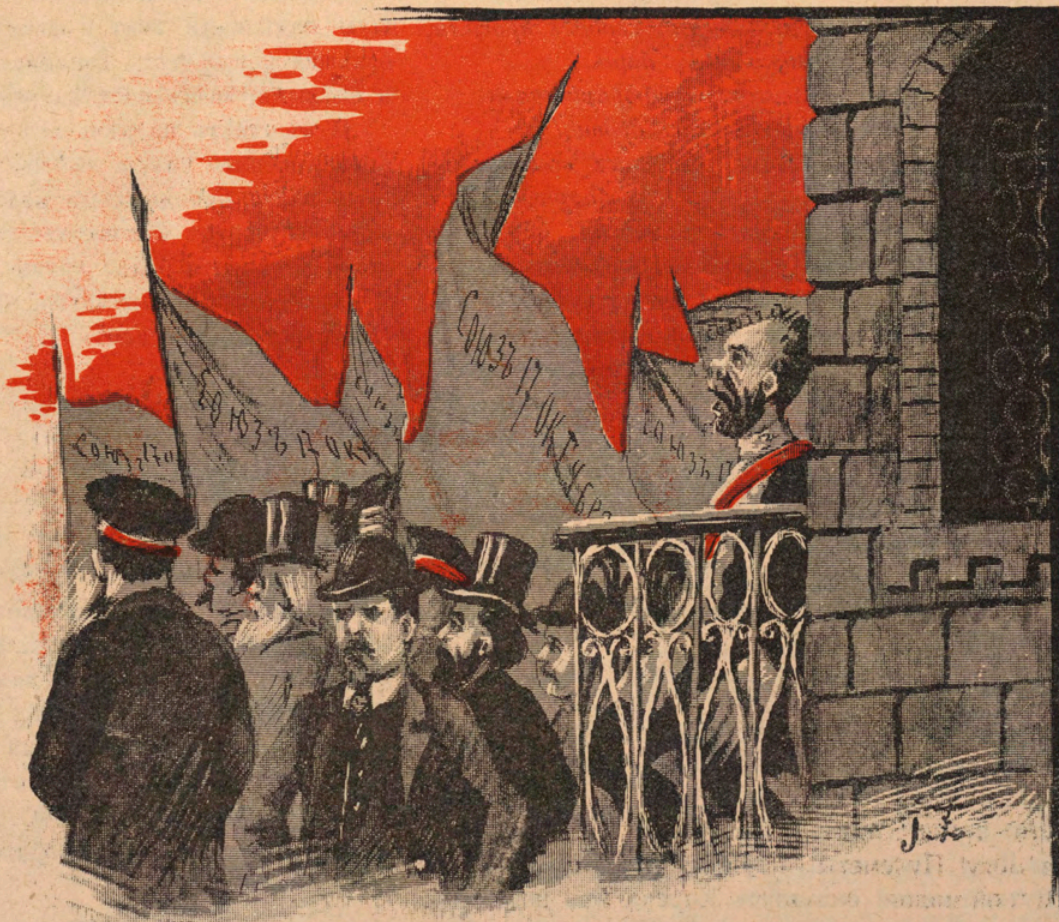
имерой
умѣло плелъ,
гучей вѣрой,
зей обрѣлъ».

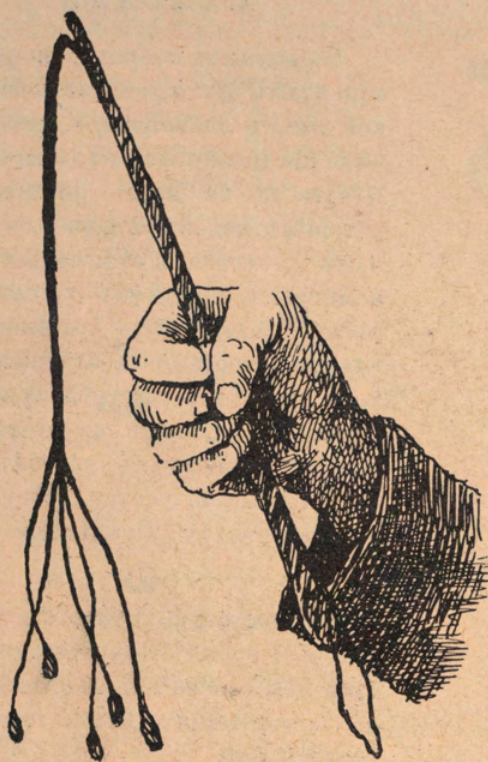
зъ боязни...
тей...
нужны козни,
мамъ и... плетей...

акъ къ пророку—
ми смертей!..
злѣдѣямъ, року:
ы людсй?

о мнѣ—какъ братья...
ель не сонъ?
о проклятыя!!
о балконъ.

Г. Онѣгинъ.

О! Граждане, вы вечно, вечно недовольны.
Правитель что ни дай, все вечно мало вамъ.
Дано намъ пять свободъ! Какъ птицы всѣ мы
вольны!

Чего же требовать отъ власти больше намъ?!
Да что я! Больше мы отъ власти получили
И стыдно-бъ, граждане, кажись, ужъ намъ роп-
тать:

Мы у Правительства лишь пять свободъ просили,
Оно же вздумало прибавку даже дать.
Въ былыя времена однимъ лишь бюрократамъ,
Да и изъ нихъ не всѣмъ давались ордена!
Теперь, какъ Витте сталъ для насъ всеобщимъ
братомъ,

И эта милость ужъ до насъ низведена!
Писателей, крестьянъ, ученыхъ и рабочихъ,
Хоть многие изъ нихъ и очень ужъ просты,
Не отличаетъ власть ужъ больше отъ прочихъ,
И щедрою рукой всѣмъ жалуетъ кресты.

Ершъ.

Шутки.

Намъ передаютъ, что запрещеніе собраний
конституціонно-демократической партіи будетъ
распространено на всѣ города имперіи. Ми-
нистръ внутреннихъ дѣлъ высказалъ, что въ
виду близости выборовъ въ Государственную
Думу, теперь „ужъ больше нельзя шутить“.
Назъ газетъ.

Свистъ нагайки, грохотъ пушекъ
И погромовъ длинный рядъ,
Ссылки, аресты, разстрѣлы—
„Это шутки“, намъ твердятъ...
Слава Богу! Пулеметы, избиенья и тюрьма
Шуткой милой оказались. Корень ихъ невинный
смѣхъ...

И за шутки обижаться
На министровъ нашихъ—грѣхъ!..
Но, въ уныніи суровомъ,
Думой мрачной я объять:—
Если это были шутки—
Что-жъ въ серьезъ-то сотворять?!

Н. Б.

Прибой.

(Изъ пѣсень Буревѣстника).

Посвящаю товарищу Успенской.

Ему было 20 лѣтъ. Черныя, густыя кудри пи-
спали на высокій, загорѣлый лобъ, подъ которымъ
горѣли его очи, огнемъ горѣли!.. Небольшая, студен-
ческая фуражка была сдвинута на затылокъ... Изъ-
подъ тужурки высовывалась синяя косоворотка... Съ
высоты уличнаго фонаря онъ произносилъ рѣчь... И
темная масса людей тамъ, внизу, еще минуту тому
назадъ зловѣще волновавшаяся и шумѣвшая, стихла
и внимала.... Онъ говорилъ...

А вдаль, поперекъ улицы, вытянулись сѣрыя ши-
нели, да сверкала на солнцѣ сталь... Было тихо,
только голосъ молодого оратора нарушалъ эту ти-
шину, да, по временамъ, одобрительно гудѣла толпа...
А онъ говорилъ...

Могучимъ, полнымъ энергіи, движеніемъ руки онъ,
какъ бы срывая тяжелую завѣсу, отдѣляющую людей
отъ новой жизни, мощно разсѣивалъ тяготя-
щую надъ нами тьму и факеломъ свободного слова
освѣщая новый путь, заклиная насъ быть дружными
и смѣлыми, звалъ насъ впередъ, къ свѣту!...

И въ отвѣтъ на рѣчь его глухо гудѣла толпа, да
яркое, осеннее солнце освѣщало камни мостовой...

А вдаль неподвижный рядъ сѣрыхъ шинелей вне-
запно исчезъ въ бѣловатомъ облачкѣ дыма и блескъ
стали замѣнился болѣе яркимъ блескомъ...

Сухіе, отрывчатые звуки... Звонъ стеколъ фонаря...
Что-то тяжелое упало!..

Дрогнула толпа... Гнѣвомъ запылали ихъ лица...
Еще крѣпче сжался черный, гигантскій клубокъ и
тысячи глазъ засверкали оттуда...

Трра-а-ахъ!.. Трр-а-ахъ!.. Трра-а-ахъ!..

... Гдѣ я слышалъ эти звуки?..

Ахъ, да!.. Это—трекотка ночного сторожа... Я тогда
жилъ дома, въ милой Тюмени... Вотъ я вижу маленькую
комнатку... У иконы горитъ лампадка!.. Мама!.. Мама!..
Она тутъ; она около меня!.. Какъ я люблю ее!.. Но
что это за липкая, противная грязь?.. Почему поетъ
грудь моя и точно свинцомъ налиты ноги?.. Мама,
это кровь!.. Кровь!.. А-а-а-а!..

Это былъ первый свободный день!

В. Князевъ.

Модные куплеты „Говорятъ“.

„Говорятъ“, что въ Россіи въ Апрѣлѣ
 „Думу“, жданную долго, сберутъ...
 Что въ „охранѣ“ нѣтъ болѣе цѣли,
 Хоть порою „пользители“ кнутъ!
 Что „свободную“ жизнь гражданина,
 Перестроить на „западный“ ладъ...
 И излѣчать отъ спячки и сплина...
 Но объ этомъ пока... „говорятъ“!
 „Говорятъ“, что „спасителямъ“ края,
 По заслугамъ „награды“ дадутъ...
 Что возродится рать боевая,
 Сахалинъ у макакъ отберутъ...
 Что былую, „побѣдную“ силу,
 Возвратимъ себѣ съ честью назадъ...
 Что себѣ мы копаемъ могилу...
 Но объ этомъ пока... „говорятъ“.
 „Говорятъ“, что когда конституцію,
 Повсѣмѣстно въ Россіи введутъ:
 Перестанутъ вѣшать „контрибуцію“,
 Что до нынѣ въ участкахъ берутъ...
 Что настанетъ пора обновленія...
 Оправдаетъ редакторовъ судъ...
 „Говорятъ“: для добра и ученія
 Насъ „до Думы“ нагайками бьютъ!
 Говорятъ, говорятъ, мало-ль что говорятъ.

Евгеній Онѣгинъ.

Изъ пѣсехъ михувишаго.

Бороной, сохою я пройдуся по полю...
 Вытянутся всходы, будетъ хлѣба въ волю—
 Заплачу копѣйкой подать трудовую,
 Изгородь исправлю, хату перекрою;
 И зимой студеной не пройметъ насъ холодъ,
 Въ хату не заглянетъ ни нужда, ни голодъ...

Поднялись ужъ всходы, осыпаться стали;
 Зерна на колосьяхъ птицы поклевали,
 Что осталось—вѣтеръ по полю развѣялъ;
 Будущую жатву мужику посѣялъ...

Гдѣ же пахарь бѣдный?.. Нѣтъ его въ избенкѣ...
 Работаетъ, видно, на чужой сторонкѣ...

Каркаютъ вороны. Вотъ такъ было дѣло,
 Какъ нашли въ оврагѣ мертвое мы тѣло!..

Помните?.. притащили къ самому оврагу
 Связаннаго крѣпко по рукамъ бѣднягу?..
 Очи завязали... Не похоронили...
 Лишь листвою сухою кое-какъ покрыли...

В. Князевъ.

Торгово-промышленная партія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оптовая и розничная продажа журнала „ОВОДЪ“
 производится въ Конторѣ Редакціи: С.-Петербургъ,
 Дегтярный пер., д. 14, кв. 28.

Розничная продажа производится также: Вла-
 димірскій просп., д. 7, кв. 38, отъ 8 час. утра до
 8 час. вечера.

Приемъ по дѣламъ Редакціи по воскресеньямъ
 отъ 1 до 4 час. дня, по вторникамъ и четвер-
 гамъ отъ 6 до 8 час. вечера.

Издатель Ф. К. Зиминъ. — Отв. редакторъ В. М. Онгирскій. — „Сѣверная Печатня“. Милліонная 12.

ОВОДЪ

Журналъ литературно-сатирическiй.

— Итакъ, 27-го Апрѣля?
— Да, представьте себѣ!..

Сѣлъ мужикъ за столъ, думу думаетъ:
Какъ бы горюшку пособить ему!
Неужель къ добру ужъ дороги нѣтъ?
Иль искать ее не его уму?
—Нѣтъ! довольно намъ жить чужимъ умомъ,
Безъ портокъ ходить,—голода терпѣть!
Надоѣло ужъ слышать стонъ кругомъ,
Надъ спиной своей видѣть вѣчно плетъ!
Надоѣло ужъ намъ кормить другихъ,
Помирать самимъ всѣмъ отъ голода.
Лѣсъ, дрова рубить для враговъ своихъ,
Замерзать самимъ вѣкъ отъ холоду.
Аль совсѣмъ у насъ голова пуста!
Что другой за насъ шевелитъ мозгомъ?
Аль нѣмы совсѣмъ мужика уста,
Что чужіе лишь голоса кругомъ?
Ахъ ты, Русь моя, Русь раздольная!
Ты хоть „въ Думѣ-то“ за себя радѣй!
Словно птица, ты станешь вольная,
Что съ весной летитъ изъ за синь-морей.

Ершъ.

Зачѣмъ о бѣдствіяхъ кричать докучно
И рѣчью лживою народъ смущать?
Все обстоитъ благополучно,
А лучшаго не надо и желать!..
Рабочіе—стоятъ спокойно за работой,
А если непосилень трудъ—
Правительство поможетъ имъ съ охотой;
Въ правительствѣ они печальника найдутъ..
Въ войскахъ и флотѣ—все спокойно, безъ со-
мнѣнья,
И хвалятъ свою жизнь солдатъ,
А если... иногда случались волненья,
То въ этомъ не войска—крамольникъ виноватъ!
Земли крестьянину—вполнѣ довольно:
Онъ даже хлѣбъ излишній продаетъ,
А... если жегъ усадьбы, то невольно..
(Извѣстно: темень нашъ народъ...)
Читали если вы въ газетахъ сообщенья—
Не вѣрьте имъ: газеты вѣчно врутъ!..
И вовсе не было народнаго волненья:
Съ мякиной хлѣбъ вездѣ попрежнему жуютъ!
Во всемъ грядущемъ, говоря научно,
Лишь „манія вранья“ видна!..*)
Все обстоитъ благополучно.
И наслаждается спокойствіемъ страна!..

В. Князевъ.

Д у м ъ.

Я былъ скованъ... и добрыя чувства во мнѣ,
Подъ угрозою пытокъ—молчали..
Я не жилъ, а въ какомъ-то мучительномъ снѣ
Прозябалъ—какъ и всѣ прозябали!
Вотъ однажды въ тюрьму, точно солнечный лучъ,
Птичкой райскою вѣсть залетѣла:
Что свѣтило прорѣзало скопище тучъ
И, свободная жизнь закипѣла!
Я рванулся... и цѣпи распались въ мигъ..
Я увидѣлъ желанную волю..
Но коварства враговъ я тогда не постигъ:
Скованъ вновь... но не плачусь на долю!
Лучъ свободы—бальзамомъ живительнымъ въ грудь
Влился. Мыслить могу я безъ страха:
Близокъ день благоденствія, равенства путь..
Все живое возстанетъ изъ праха!..

Г. Карповъ.

«Какъ чисты и невинны люди», — сокрушенно
произнесъ одинъ «плясунъ», — «и какъ отрадно водить
ихъ за носъ!».

(ICU)

*) Проф. И. А. Сикорскій („Кіевлянинъ“).

*Его Высокоблагородному Свѣтлости
отъ Господика Фикахсова.*

(Отрывокъ изъ письма министра).

Съ тѣхъ поръ, какъ добрый нашъ премьеръ
Меня назвалъ: министръ финансовъ,—
Я въ кассахъ, дефицитъ кляня,
Хранилъ для вида семь романсовъ.
Провозглашать я сталъ кредитъ
И займовъ чистыя ученья,
Въ меня жъ всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено камня...
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ Питера бѣжалъ я нищій
И вотъ, въ Берлинѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Субординацію храня,
Со мной въ Берлинѣ тварь сусальная...
Но ужъ не слушаютъ меня
Банкиры, головой кивая...
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Берлинцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите, вотъ примѣръ для васъ,
Сей варваръ—дружный съ казаками,
Въ серьезъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что побѣдятъ народъ штыками...
Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!
Доставилъ: Не-Буква.

Историческіе мемуары моего дѣда.

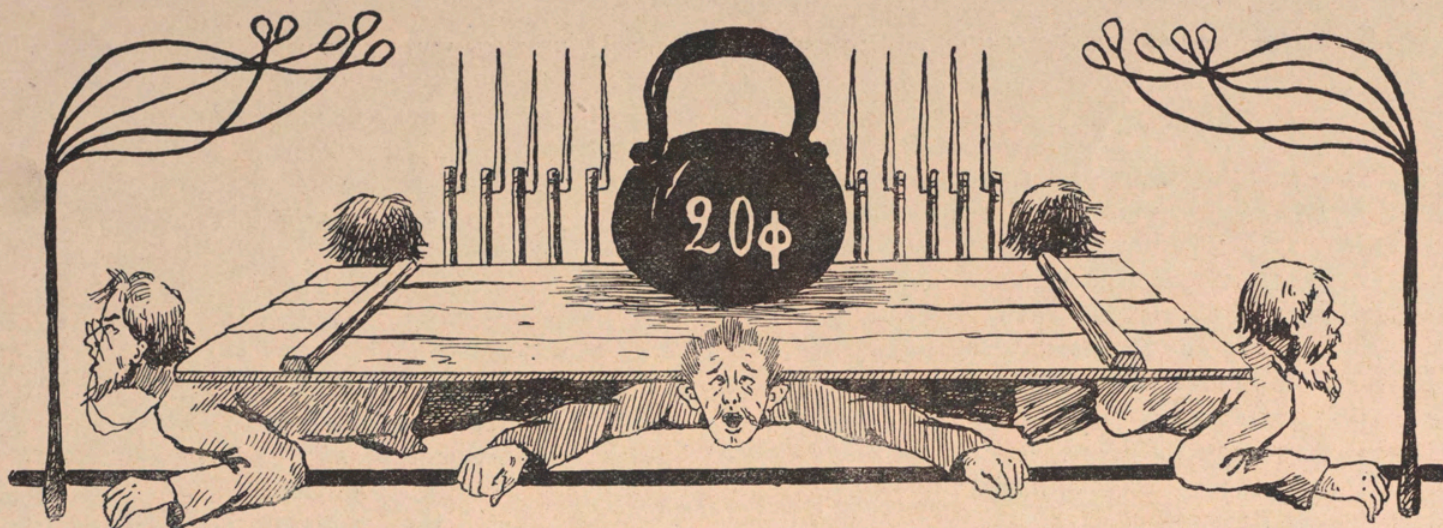
Родъ дворянства Чесноковыхъ
Начался при Годуновыхъ!
Царь назначилъ въ услуженье
И... въ шуты для развлеченья
Предка моего.
Средь побоевъ, униженья
Шутъ добился возвышенья
Сана своего...
Царь въ раздуміи тяжеломъ
За столомъ сидѣлъ,
Взглядомъ очень невеселымъ
На ѣду глядѣлъ.
Услужить царю желая,
Шутъ съ скамейки всталъ
И, поклоны отбивая,
Такъ царю сказалъ:
„Что ты, царь, сидишь уныло,
Не раскроешь ротъ?
Али жизнь тебѣ постыла?
Аль болитъ животъ?“
Разсердился царь суровый,
Посинѣлъ весь вдругъ

И, казнить шута готовый,
Кличетъ вѣрныхъ слугъ.
Предокъ къ полу припадаетъ,
И вопить онъ, и рыдаетъ,
И царевыхъ ногъ
Быстро, съ жадностью лобзаетъ
Расписной сапогъ.
„Пощади, надежда!“ тихо
Завываетъ предокъ: „Лихо
Помутился я“.
„Нѣтъ, на это преступленье
Не дождешься ты прощенья!
Завтрашняго дня
Будешь мигомъ ты повѣшенъ
Тамъ вотъ, на суку!“
„Царь, но кто изъ насъ не грѣшенъ?
Пощади слугу!“
Между тѣмъ, среди палаты,
Выстроившись въ рядъ,
Показались шлемы, латы,
Копья и булаты...
Шутъ рыдалъ въ тоскѣ глубокой,
Часа смерти ждалъ.
Вдругъ съ насмѣшкою жестокой
Царь ему сказалъ:
„Добре, рабъ лукавый, казни
Не назначу я,
И ты можешь безъ боязни
Потѣшать меня,
Но, смотри, во искупленье,
Хоть не на суку,
Будетъ все жъ тебѣ мученье:
Сѣшь ты чесноку
Пуда три!.. Ты изъ мѣщанства?
Будетъ нашъ указъ:
Коли сѣшь—тебя въ дворянство
Впишемъ мы тотчасъ!“

Предокъ цѣлый день трудился,
Уплеталъ чеснокъ, давился,
Наконецъ-то сѣлъ:
И въ дворяне сѣлъ!
Да, дворянство Чесноковыхъ
Началось при Годуновыхъ!

Оводъ.

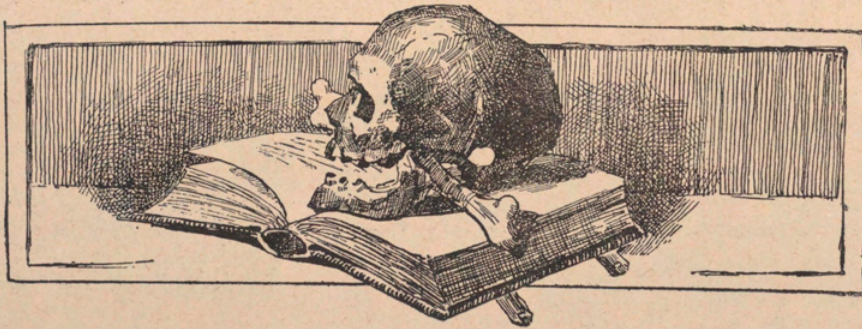

С в а т ь и ж е н и х ъ .

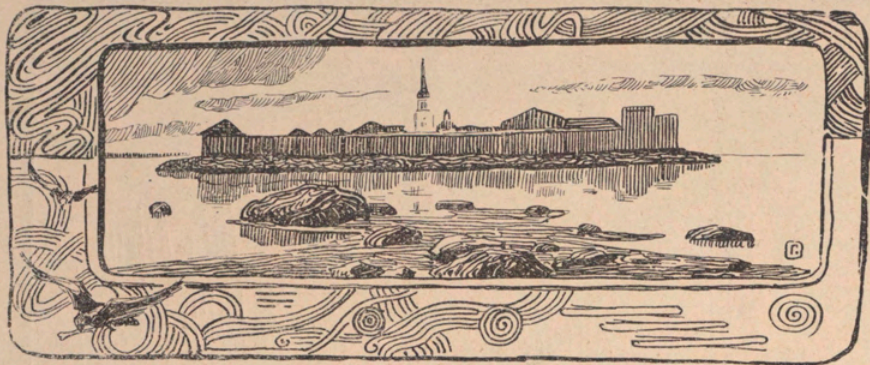
Нутко! Шиповъ у Союза,
Крушеванъ здѣсь безъ конфуза,
Есть Гучковъ у пэ-пэ-пэ
Дайте, дайте имъ ип реи!
Маргульесъ у радикаловъ,
Стасюлевичъ—либераловъ,
Вона сколько здѣсь добра!
Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!..
И эс-деки и эс-эры—
Тѣ разстрѣляны безъ мѣры...
Мазуренко, Хрусталева
Въ тюрьму спрятаны безъ словъ.
На свободѣ есть Нотовичъ,
Гессенъ, Струве и Стаховичъ.
Здѣсь и Грингмутъ Акулина,—
Что ни дѣвка—то малина!
Думай, думай, выбирай!
По любую засылай.
Пэ-пэ малость рябовато,
Да смиренно, вожевато!
Гучковъ, знаешь, мнѣ сродни,
Будетъ съ Витте—ни-ни-ни!..
Ай-да Гучковъ! Гучковъ—кладъ!
Сватай намъ пэ-пэ'ка, сваты!
Намъ съ лица не воду пить,
Съ монархистомъ можно жить,
Да чтобъ Витте на порогъ
Не вставалъ намъ поперекъ...
Ай-да Гучковъ! Гучковъ—кладъ!
Сватай намъ пэ-пэ'ка, сваты!

Нутко! Есть у насъ графъ Витте,
Дурново, Дубасовъ... Bitte!..
Вона сколько здѣсь добра!
Всѣ вѣдь ждутъ и всѣмъ пора!..
Есть въ Ливоніи Орловъ,
Въ Петербургѣ Минъ, Фроловъ,
На Кавказѣ—Алихановъ,
Изъ татарскихъ онъ Титановъ.
Есть тамъ также Закомельскій,
Есть и Риманъ Царскосельскій,
Обыватель глупъ, дубина,
Не пойметъ онъ: все малина!..
Думай, думай, выбирай,
За любимъ, знай, засылай!
Витте малость рябоватъ,
Да смирененъ, вожеватъ!
Витте знаешь, мнѣ сродни,
Онъ съ казною—ни-ни-ни!..
Все примоесть, приберетъ,
Все до нитки подмететъ!..
Ай-да Витте! Витте—кладъ!
Сватай Витте, Витте, сваты!
Намъ съ лица не воду пить
И съ корявымъ можно жить,
Да чтобъ по двору прошелъ,—
Всѣхъ бы курочекъ онъ счелъ.
Ай-да Витте! Витте—кладъ!
Сватай Витте, Витте, сваты!

Не-Буква.

Мнѣ все равно!..

Романъ С. Ю. Витте.

Мнѣ все равно!.. Погромы, баррикады—
Къ всему привыкъ ужъ я давно!..
Пусть мнѣ не вѣрятъ—и не надо!..
Мнѣ все равно! Мнѣ все равно!

Мнѣ все равно! Республика-ли, смута,—
„Подвохи“ всѣ я изучилъ давно,
И диффирамбы Гурьева, Грингмута..
Мнѣ все равно! Мнѣ все равно!

Мнѣ все равно! Друзья-ль, враги-ль найдутся:—
Со всѣми свыкъ я давно..
Пушай мнѣ лстятъ, пушай смѣются..
Мнѣ все равно! Мнѣ все равно!

Мнѣ все равно! Отдать-ли „власть“ народу,—
„Приготовленья“ сдѣланы давно..
Отдать имъ „все“—себѣ одну „свободу“!
Мнѣ все равно—пить кровь или вино!..

Евг. Онѣгинъ.

Вразумленіе.

Къ волостному правленію подѣхалъ земскій начальникъ и, не найдя тамъ ни одной живой души, кромѣ стараго кота, приказалъ своимъ тѣлохранителямъ привести къ нему старшину.

Долго бродили тѣлохранители по избамъ и по задворкамъ, но старшины не нашли.

На вопросъ, гдѣ старшина, крестьяне отвѣчали:

— Мы ночью безъ старшины!..

— Какъ такъ?

— А вотъ, какъ видите, безъ старшины!..

— Да развѣ полагается, чтобы волость—и вдругъ безъ старшины!?

— Полагается не полагается, а только мы теперь безъ старшины.

— Да, вѣдь, раньше-то былъ у васъ старшина? Не святые же вы, чтобы безъ всякаго начальства жить могли!?

— Какъ не быть—былъ!.. Микита Петровъ... А только теперь у насъ его нѣтути:

въ городъ свезли. Сказываютъ, мужику совсѣмъ петля—въ списокъ попалъ.

Съ двумя сотскими, безъ старшины, съ жиденкой кучкой крестьянъ, вернулись тѣлохранители къ начальнику.

— Почему въ волости никого нѣтъ?—грозно спросилъ начальникъ у крестьянъ.—Гдѣ писарь?

— Въ городъ свезли вмѣстѣ съ старшиной...

— А развѣ не было времени нанять другого писаря и выбрать новаго старшину взаменъ этихъ крамольниковъ?!—еще грознѣе крикнулъ начальникъ.

Мужики молчали и ждали, что еще скажетъ начальникъ.

— У васъ тутъ всѣ бунтовщики!—не дождавшись отвѣта, продолжалъ начальникъ.—Сказывайте, какой у васъ тутъ грамотѣй сочинительствомъ занимается? Русскими людьми еще называется, а знаете, къ чему руки приложили?! Татаринъ бы до этого не додумался,—даромъ, что магометанинъ. «Порѣшили мы волостнымъ сходомъ винную лавку закрыть, потому отъ водки только одинъ вредъ».—Закрывать, закрыть! А раскаяваться потомъ не будете?! Подумали вы объ этомъ?! Развѣ русскій человѣкъ можетъ безъ водки жить? Безъ водки—тоска... безъ водки думы разныя приключаются, а отъ думъ голова болитъ. Если вы русскіе люди—должны пить,—на то и казенки существуютъ. Это еще не все! И къ другой пашки вы тоже руки приложили. «Мы не лошади, чтобы насъ бить, а потому протестуемъ».—Протестуемъ! Какъ у васъ на это слово языкъ повернулся? Вѣдь, за это слово вѣшаютъ! И главное—мы не лошади!.. Да знаете-ли, скоты безрогіе, что лошадь самое благородное животное въ мірѣ, а ее, однако, бьютъ! Мужичья спина, если ее не погладишь—чесется, про это даже въ ученыхъ книгахъ написано.

Начальникъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и еще что-то хотѣлъ сказать. Но слушателей уже не было. На волостномъ дворѣ осталось только два десятскихъ—по долгу службы...

Увлеченный своимъ краснорѣчіемъ, онъ не замѣтилъ, какъ крестьяне одинъ за другимъ покинули волостной дворъ.

Далай-Норъ.

Къ печати.

О, бѣдная печать! Опять тебя сжимають!
Опять стѣсненій новыхъ—легіонъ!
Послѣдній клочъ „свободы“ отнимають,
Вводя „карающий“ законъ...
„За разглашеніе тайныхъ назначеній“,
„За оскорбленіе правящихъ круговъ“,
„За смѣлый шагъ разоблаченій“
Грозятъ—коллекціей оковъ!
Пишу, а самъ дрожу: а вдругъ на эти строки
Дадутъ мнѣ „свыше“ ласковый отвѣтъ:
„Изволь явиться, чтобъ брать уроки“,
Ты—въ Государственный Совѣтъ!

Г. П. К—овъ.

ПОЛЕЗНЫЙ СОВѢТЪ.

Коль жизни цѣль твоя въ портфелѣ,
Не жизнь—а прямо благодать.
Устрой „семь пятницъ на недѣлѣ“
И научись, какъ Витте, лгать!

Жоржъ.

Чепуха.

Чепуха да чепуха, это просто враки...
Ужъ не пятятся назадъ, а впередъ все раки.
Наши храбрые полки, за народъ вступились,
Всѣ начальники въ дѣлахъ скверныхъ повинились.
Ужъ повсюду тишь да гладь, не житъе—малина,
И забыли вспоминать про отважность Мина.
Риманъ пулю въ лобъ пустилъ, съ совѣстью считаюсь,
Мужъ синодскій опочилъ, въ прегрѣшеніяхъ каясь.
Вновь отстроилась Москва. На небѣ Дубасовъ.
Всѣ равны, какъ на подборъ, нѣтъ чиновъ и классовъ.
Мужиковъ ужъ не дерутъ больше генералы...
Всѣ давно поджали хвостъ бунтари-оралы.
Собирается народъ толковать гдѣ хочетъ,
Не боится, что солдатъ со штыкомъ наскочить.
На митингахъ офицеръ, словно на банкетѣ.
Ужъ не ѣздитъ нашъ Иванъ съ бабами въ каретѣ.
Канцелярскіе писцы сыты и обуты,
Ужъ начальники давно ихъ не тычутъ—ну, ты!
И чиновники вершатъ всѣ дѣла въ минуту.
Вновь ввели опять у насъ звонкую валюту.
Наступили: тишь да гладь словно какъ бы въ сказкѣ.
Приучили мужика добры бары къ ласкѣ:
Ходитъ онъ и пьянъ и сытъ, по часамъ толстѣетъ,
Самъ ужъ подати несеетъ, казна богатѣетъ.
Нѣту больше чепухи, нѣту больше враки.
Ужъ не пятятся назадъ, а впередъ все раки.

Ершъ.

Рѣшеніе ребуса (см. № 4).

Народъ, когда за что настойчиво возьмется,
Всегда добьется своего.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

За ветхостью и непригодностью
ОТДАЮТСЯ
УСТОИ (дворянскіе).

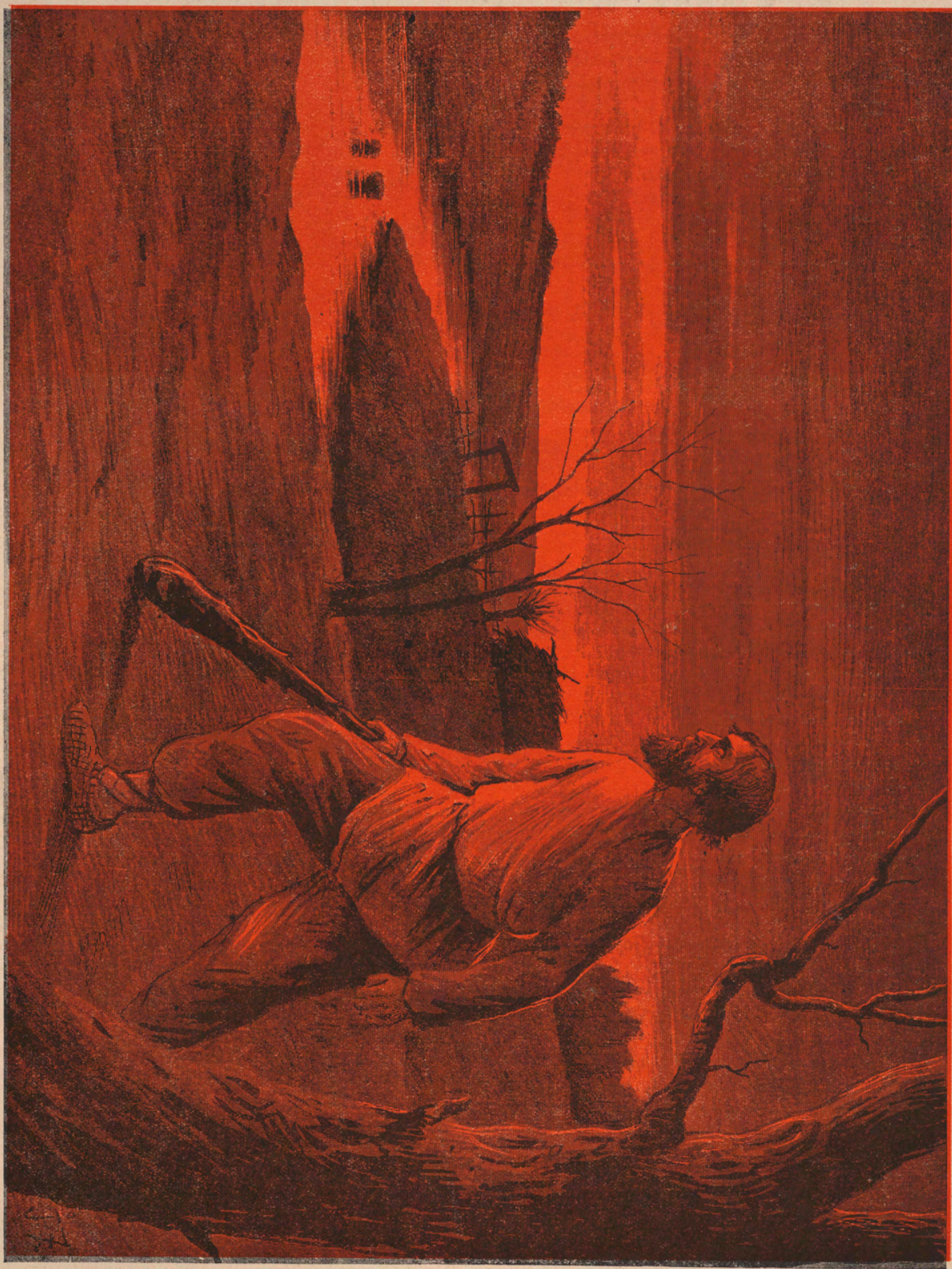
Справляться: у дворянина Павлова („Московскія
Вѣдомости“) и кн. Мещерскаго („Гражданинъ“).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оптовая и розничная продажа журнала „ОВОДЪ“
производится въ Конторѣ Редакціи: С.-Петербургъ,
Дегтярный пер., д. 14, кв. 28.

Розничная продажа производится также: Вла-
димірскій просп., д. 7, кв. 38, отъ 8 час. утра до
6 час. вечера.

Пріемъ по дѣламъ Редакціи по воскресеньямъ
отъ 1 до 4 час. дня, по вторникамъ и четвер-
гамъ отъ 6 до 8 час. вечера.

DK262
.R9
Rar 64.
Rome

№ 6-й. — 1906. Годъ изданія 1-й. Цѣна № 10 коп.

Выскивание крамолы.

КЪ СВОБОДѢ ПЕЧАТИ И ЛИЧНОСТИ.

Какъ иллюстрацію, наглядно рисующую своеобразное пониманіе манифеста 17-го Октября нѣкоторыми Помпадурами, нашъ корреспондентъ сообщаетъ намъ слѣдующій фактъ:

„Въ Елисаветградскую тюрьму водворенъ приговоренный военнымъ генераль-губернаторомъ къ *двухмѣсячному заключенію за чтеніе* на улицѣ журнала „Оводъ“ елисаветградскій мѣщанинъ Я. Бужинскій“.

Дѣйствительно, свобода существуетъ, но только для администраторовъ. Доколѣ же эти сво... бодные (во всѣхъ отношеніяхъ нарушители Высочайшей воли Государя) будутъ пользоваться безграничною свободой дѣйствій?

* * *

Коли вспомнишь подчасъ,
Что творится у насъ—
Удивительно!
Отъ октябрьскихъ свободъ
Чешетъ спину народъ...
Отвратительно!
Сотни разныхъ газетъ
Получили запретъ...
Убѣдительно!
Тюрьмы полны людей;
Ихъ какъ въ бочкѣ сельдей...
Положительно!
Отъ свободъ, господа,
Не осталось слѣда
Окончательно!
Но... кончаю рассказъ:
Будетъ ДУМА у насъ
Обязательно!

В. Князевъ.

СОНЪ.

Всю ночь пальба не умолкала,
Всю ночь рыдали небеса,
А на зарѣ надъ Русью встала
Опять кровавая роса.

И солнце блѣдное, больное,
Надъ вражьемъ лагеремъ взошло,
Но скоро тучей громовою
И этотъ свѣтъ заволокло.

И въ тотъ же мигъ взглянулъ сурово,
Какъ вѣчный врагъ, на брата брата,
И бой жестокой грянулъ снова
И вновь послышался набатъ.

И снова кличъ звучалъ о чести,
И снова кровь лилась ручьемъ,
И въ эти-жъ дни великой мести
Спалъ цѣлый міръ кошмарнымъ сномъ.

А. Щегловъ.

Сказочка.

Жиль-былъ, голодалъ, холодалъ мужичекъ. Никто объ немъ и думать не хотѣлъ. Думали только, что грязный онъ, сѣрый неучъ. Ну его, лапотника... Думали также, почему-то, что маленькій онъ, маленькій—съ ноготокъ, и потому только лѣнивый не жалъ и не тискалъ мужичка.

Много унесли рѣчки воды въ синія моря, а мужичка все продолжали считать нестоющимъ вниманія сморчкомъ.

Надоѣло, наконецъ, мужичку съ ноготокъ быть грязнымъ забитымъ неучемъ. Надоѣло быть сѣренькимъ, маленькимъ лапотникомъ. Вотъ онъ какъ возьметъ, да какъ вырастетъ!.. И такой вдругъ великанище сталъ, что въ лицо посмотрѣть, такъ шапка съ головы валится, а всѣ его притѣснители и обидчики, что себя великанами почитали, словно въ таракановъ превратились: стали такими маленькими, что бѣгаютъ у него подъ ногами, у всѣхъ отъ удивленія рты пораскрыты да отъ страху глаза на лобъ повылѣзли, бѣгаютъ, мечутся, словно бѣлены обѣлись. Сторонятся отъ мужичка-великанища, по угламъ прячутся, боятся какъ бы не задавилъ. Но вотъ поуспокоились тараканы. Собрались съ мыслишками, дивятся, какъ это мужичекъ-то съ ноготокъ вдругъ сталъ такою громадиной, да и еще все растетъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ. Вотъ пришли они къ нему и говорятъ:

Иди, братецъ-мужичекъ, къ намъ порядокъ заводить. Помоги намъ, а то мы столько всякой пакости понаѣдали, что безъ тебя никакъ не управиться.

— Не просите, тараканы,—говоритъ мужичекъ,—не надобно, я не спѣсивый и безъ зова явлюсь.

И вотъ, дрожить, гудить, поколыхивается земля русская: идетъ мужичекъ „думу думати“, какъ свою русскую землю-матушку отъ разной грязи поочистить да землю поправить и чтобъ дурныя плевелы не заглушали бы больше хорошихъ всходовъ.

(ICU)

Ершъ.

Привѣтъ вескѣ.

О, надежда-весна, долгожданная,
Что ты думѣ съ собою несешь?
О, пора обновленья желанная,
Чувство вѣры въ меня-ли вдохнешь?

Оживишь-ли меня, позабытаго,
Дашь-ли силы бороться и жить
И заставишь меня-ли, разбитаго,
Все прекрасное свято любить?!

На тебя все мое упованіе,
Всѣ усталаго сердца мечты:
Ты—мой богъ, моя радость, дыханіе,
Ты—вѣнецъ неземной красоты!

Ты пришла и твоими лучами
Отогрѣю я душу свою
И съ печатью безмолвья устами
Гимнъ свободѣ и свѣту спою...

В. Князевъ.

Палачамъ.

Кто играетъ въ любовь—тотъ не знаетъ любви,
Чувства чистаго тотъ не пойметъ!
У того ядъ растлѣнія, пошлость въ крови
И въ душѣ омерзѣнія ледъ!

Кто играетъ въ любовь, тотъ не вѣритъ слезамъ,
Жертву чувствамъ святымъ не воздастъ,
Глухъ всегда, безпощаденъ къ горячимъ мольбамъ,
Тотъ—измѣнить, обманеть, продасть!..

Вы играли съ несчастной строною въ любовь;
Мы любили,—что не дали намъ!
Вы сосали по каплѣ народную кровь...
Нѣтъ прощенья, душители, вамъ!

Мы стремились къ свѣту—вы въ сумракъ темницъ
Повергали борцовъ за народъ!
Трепещите и кайтесь, за сѣнью гробницъ
Васъ возмездіе Божье найдетъ!

Евг. Онѣгинъ.

Силуэты.

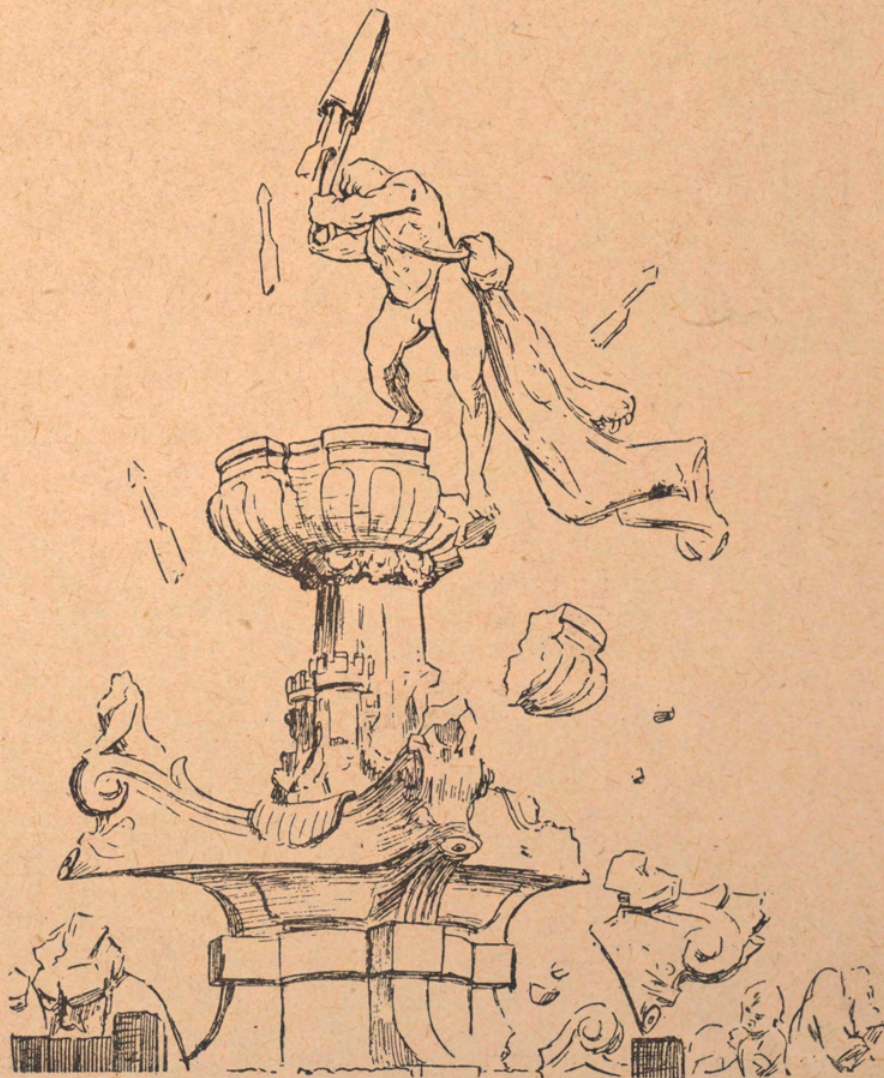
1.

Нѣтъ, я не Плеве, я другой,
Слѣпота случая избранникъ,
Весной еще гонимый странникъ,
Диктаторъ вновь страны родной!
Я скверно началъ, кончу рано...
Мой умъ не въ силахъ довершить
Того, что хочетъ... И обмана
Мнѣ не удастся повторить...
Со страхомъ жду я воздаянья.
Кто защититъ меня? И кто
Толпѣ внушитъ мои желанья?
Иль Дурново, или никто!..

2.

Напрасно ахнули кадеты:
Не унывайте, господа!
Отъ конфискаціи и Леты
Спаслась „Полярная Звѣзда“.
О, Струве, можешь быть спокоенъ:
Земные не грозятъ „кресты“:
Идеализма кроткій воинъ,
Вѣдь, скоро въ Думѣ будешь ты!

Вл. Вѣринъ.

Живая вода.

„Старое преданье, дивное преданье,
Въ немъ надежда міра...“
С. Надсонъ.

Она была молода и прекрасна, но злая сила отняли у нея зрѣніе и брела она во тьмѣ по тернистой дорогѣ.

Ветхое платье падало съ плечъ, голодъ точилъ ея сердце. Часто подымала она къ небу свой тусклый взоръ, но не было отвѣта—молчало холодное небо. Рука ея протягивалась, чтобъ встрѣтить опору или дружеское пожатье—и встрѣчала... бичи и скорпіоны. Обливаясь кровью, падала она на дорогу, но, снова подымаясь, продолжала свой безконечный путь.

И услышала она однажды: „О, дорогая, возлюбленная! довѣрься мнѣ, я верну тебѣ твои глаза, и въ нихъ отразится жизнь!.. Ты увидишь свѣтъ и проклянешь злую тьму. Ты узнаешь, почему такъ слабы твои руки, отчего червь гложетъ твое сердце.

Благослови меня, прекрасная, родная,—я иду въ далекій путь.

Тамъ, гдѣ горятъ холоднымъ свѣтомъ полярные льды, гдѣ долгіе мѣсяцы солнце обходитъ дозоромъ небо, и мѣсяцы царить ночь,—тамъ природа воздвигла

волшебный дворецъ, и бьетъ въ немъ ясный, какъ свѣтъ, и холодный, какъ ночь, источникъ живой воды... И два чудовища сторожатъ дворецъ: *Насиліемъ* зовутъ одно и *Тьмой*—другое, и ведетъ къ нему бѣлая дорога костей храбрыхъ... Каждый день свѣжая кровь оmyваетъ бѣлую дорогу, но, клянусь тебѣ: я достану живой воды или погибну... Я достану тебѣ свѣта и ты прозрѣешь!..

Подняла она руки, благословляя его, и услышала издалека: „Жди меня!..“

Долгіе годы, безконечные годы ждала она!

Цѣпи натирали ея юныя руки и сочилась кровь изъ новыхъ ранъ... Силы покинули ее, она не могла итти и опустилась на дорогу, припавъ головой къ родной, теплой землѣ, и земля сказала ей: „Онъ идетъ!..“ Дрогнуло ея сердце, горячимъ огнемъ разлилась кровь по ея жиламъ, наполняя ихъ новою жизнью: „Онъ пришелъ!“ сказало ей сердце...

Да, онъ пришелъ и капли волшебной воды коснулись ея глазъ, но онѣ смѣшались съ его кровью и были горячи, какъ пламя...

„Прости, родина!“ прошепталъ онъ и упалъ на родную землю, а мертвые глаза глядѣли на Нее... И горячіе лучи хлынули въ ея слѣпые глаза... „Солнце! Солнце!—Она прозрѣла.

Alfa.

Прежде и теперь.

(Пѣсенка патріота).

Было время—въ стары годы,
Жили мы, не зная моды
Провокаторства!

Въ тюрьмахъ мы не изнывали,
Апельсинъ не начиняли,
Такъ водилося!

Баррикадъ не созидали,
Никогда не бастовали...
Вотъ-то жилося!!

А теперь пора иная:
Стала нація шальная—
Соціальная!

Что ни день—то, смотришь, бомбы,
И на всѣхъ надѣты пломбы—
Казнь повальная!

Нѣтъ почета бюрократъ,
И всей нашей, черной, братъ,
Напираетъ голь!

День—страдаешь, ночь—не спишься,
А заснешь—такъ Дума снится...
Эхъ, напитокъ, что-ль?!!

Г. Карповъ.

Шедевры изъ нѣмецкаго учебника.

— Часто вы бывали на митингахъ?
— Нѣтъ, все свое „свободное“ время я просидѣлъ въ
Крестахъ.

— Видѣли вы когда-нибудь дерзкіе грабежи среди
бѣлаго дня?
— Нѣтъ, но я хорошо знакомъ съ Іоанномъ-Посад-
скимъ...

— Любите вы красное вино?
— Нѣтъ, я предпочитаю генеральскую подкладку.

Сцена у фонтана.

(Адмиралъ и представитель печати).

Корреспондентъ „Matin“ Леру бесѣдовалъ съ адмираломъ Дубасовымъ. Московскій побѣдитель заявилъ, что правительство не боится новаго возстанія, такъ какъ мѣры приняты.

Леру спросилъ у адмирала объясненія, какимъ образомъ правительство, увѣренное теперь въ будущемъ, оказалось несвѣдущимъ въ прошломъ? Оно было, значитъ, плохо осведомлено полиціей? Вы не были предупреждены, что возстаніе вспыхнетъ съ такою силой?

Г. Дубасовъ отвѣтилъ.—И полиція и правительство все знали.

— Тогда какъ же объяснить?

Адмиралъ нѣкоторое время колебался, а затѣмъ сказалъ слѣдующія, ошеломившія даже француза Леру, слова:

— Правительство намѣренно бездѣйствовало.
„Наша Жизнь“.

Адмиралъ: Нѣтъ, полно!

Я не хочу съ полкомъ Семеновскимъ дѣлиться Той славою, что мнѣ принадлежитъ по праву!.. Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться... Скажу всю истину!.. Такъ знай же: всю крамолу Мы сами исподволь на дѣло натравляли Бездѣйствіемъ сознательно-притворнымъ!.. Мы знали все заранѣе!.. Мы молчали И, провокацію пустивши въ дѣло, Прославились, Москву обливши кровью...

Представитель печати (вноситъ 10.000 рублей залогоу по дѣлу о нарушеніи 1 пункта 129 статьи и умолкаетъ по точному смыслу временныхъ правилъ о свободѣ печати, типографію запечатываютъ, къ отвѣтственности привлекается редакторъ).

Адмиралъ: Что-жъ ты молчишь, надменная Печать? Довольна-ль ты признаніемъ моимъ? Что-жъ ты молчишь?

Представитель печати (вноситъ еще 10.000 рублей залогоу, пугливо озирается, даетъ подписку о невыѣздѣ и умолкаетъ. Къ отвѣтственности, кромѣ редактора и типографіи, по дополнительнымъ правиламъ о свободѣ печати, привлекаются издатель и весь составъ сотрудниковъ).

Адмиралъ: Малюты тѣнь меня усыновила И провокаторомъ изъ гроба нарекла, Вокругъ меня крамолу возмутила И въ жертву мнѣ Россію обрекла!..

Представитель печати (вноситъ 10.000 рублей залогоу по 106 статьѣ, умолкаетъ и садится въ крѣпость по пункту 2-му 129 статьи. Редакторъ, издатель, владѣлецъ типографіи, экспедиторъ и метрампажъ вносятъ по 10.000 рублей залогоу и отправляются въ тюрьму. Типографія заколачивается досками и наборщики ссылаются въ Якутскую область).

Занавѣсъ.

Не-Буква.

Премьеръ-сатрапъ.

Либераль со лба до пятокъ
Нашъ сатрапъ-премьеръ:
Онъ играетъ „въ кошки-мышки“
На любой манеръ.

Для слѣпой убогой братьи
Лучшій онъ вожакъ.
Честно мыслить по заказу
Можетъ такъ и сякъ.

Какъ барометръ отъ погоды,
Вѣкъ зависимъ онъ,
То онъ важенъ, какъ вельможа,
То вдругъ всѣмъ поклонъ.

Шапку сниметъ, изогнется
Ловко, какъ лиса,
Если плюнуть—оботрется,—
Божья, молъ, роса.

Да, ужасно либераленъ
Нашъ премьеръ-сатрапъ,
Но, едва-ли увернется
Онъ отъ вражьихъ лапъ.

И едва-ли долго сможетъ
Онъ играть съ огнемъ,
Не напрасно же такъ скверно
Говорятъ о немъ.

Щуръ.

Когда одному министру задали вопросъ: почему онъ не появляется открыто?—онъ изрекъ: „Не желаю дать возможности другимъ примѣнить ко мнѣ „неприкосновенность личности!“

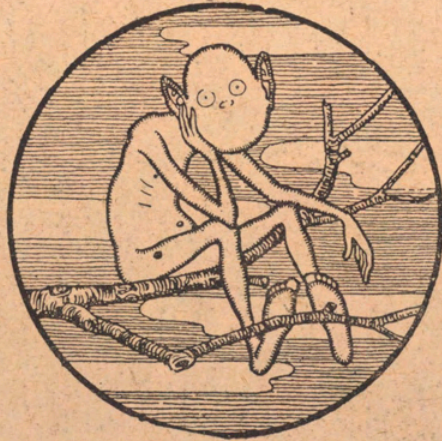
ВЪ АЛЬБОМѢ С. Ю. ВИТТЕ.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Руси протестъ
И пишетъ онъ единымъ духомъ
Свой мани-фестъ...

* * *

И обѣщаньями онъ свѣту
Терзаетъ слухъ.
Проходитъ время и... онъ въ Лету
Свободы бухъ!..

В. Князевъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

Петербургъ. Въ виду повсемѣстныхъ арестовъ лицъ, намѣчаемыхъ въ кандидаты въ члены Государственной Думы, большинство рабочихъ трубопрокатнаго завода Сѣвернаго Общества рѣшило въ качествѣ своего депутата выставить чучело, набитое камнями. Предполагается, что такое чучело сумѣетъ проявить большую инициативу и самостоятельность, чѣмъ выбранные по указанію начальства депутаты, и что заключающіеся въ немъ камни не смогутъ оставаться спокойными и непремѣнно возопіютъ.

Одесса. Генералъ Карангозовъ конфиденціально сообщилъ, что гоненія на сатирическіе журналы предприняты имъ въ цѣляхъ устраненія конкуренціи: по увольненіи отъ должности генералъ-губернатора, онъ намѣренъ издавать въ Одессѣ сатирическіе журналы «Бараній рогъ» и «Самодуръ». Участіе въ журналахъ обѣщали: Грингмутъ, Суворинъ, Крушеванъ и многіе другіе.

Калуга. Мѣстнымъ Помпадуромъ, рѣшившимъ, что не слѣдуетъ газетамъ знать то, что ихъ не касается, и что въ политикѣ необходима строжайшая конспирація, отданъ приказъ: никакихъ телеграммъ, адресованныхъ на имя редакцій столичныхъ газетъ, ни въ коемъ случаѣ не пропускать.

Чита. За послѣднее время здѣсь бросается въ глаза громадный наплывъ плотниковъ, веревочниковъ и прочихъ «специалистовъ».

Москва. Дубасова въ городѣ нѣтъ, Крушевана также. Населеніе отдыхаетъ. Служатъ благодарственные молебны. Выборы протекаютъ нормально. Вчера арестовано 130 человекъ, въ томъ числѣ всѣ выбранные въ уполномоченные. Въ виду переполненія тюремъ и имѣющаго состояться на этихъ дняхъ ряда избирательныхъ собраній, экстренно приспособляются подъ тюремныя помѣщенія: университетъ, техническое высшее училище, институтъ инженеровъ и еще нѣкоторыя учебныя заведенія.

Петербургъ. По слухамъ, на поставку песку, на которомъ строится Государственная Дума, приняли на себя курьеры Государственнаго Совѣта. Имѣется въ виду употребить для этой цѣли песокъ, обильно сыплющійся изъ нѣкоторыхъ членовъ Совѣта. Особенно, въ этомъ отношеніи, надежды возлагаются на К. П. Побѣдоносцева и князя М. И. Хилкова.

Одесса. Бывшій градоначальникъ Нейгардтъ собирается издать книгу о вредномъ вліяніи газетныхъ сообщеній и сенаторскихъ ревизій. Возбудилъ ходатайство о назначеніи субсидіи на это дѣло. Ходатайство, какъ передаютъ, признано преждевременнымъ.

Свобода собраній—жандармы.
Свобода слова—Витте.
Свобода союзовъ—кандалы.
Свобода совѣсти—Гапонъ.

* * *

За большимъ столомъ въ палатѣ,
Какъ-то старцы засѣдали,
Конституцію народу
Дать тѣ старцы замышляли.
Но шутили знать съ ними кто-то:
Какъ-ни бились старцы эти,
Не могли никакъ придумать
Для людей получше сѣти.
Такъ-то бились, бились старцы
Съ воскресенья до субботы
И, измучившись, рѣшили
Дать народу пулеметы.

Щуръ.

Въ скоромъ времени выйдетъ
новый художественный сатирическій журналъ

„СКАНДАЛЪ“

Цѣна 10 коп., съ перес. 12 коп.

Подписная цѣна 5 руб. въ годъ.

Съ требованіями обращаться въ контору Редакціи: С.-Петербургъ, Дегтярный пер., д. 14.

Пѣснь черной сотни.

Мы, черная сотня, счастливое племя!
Сродни намъ приходится „Новое Время“...
Гордимся мы этимъ всегда!

Мы—палкою лупимъ кого пожелаемъ,
Онъ же—пронзительнымъ визгомъ и лаемъ...
Не братья-ли мы, господа?..

В. Князевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оптовая и розничная продажа журнала „ОВОДЪ“
производится въ Конторѣ Редакціи: С.-Петербургъ,
Дегтярный пер., д. 14, кв. 28.

Пріемъ по дѣламъ Редакціи по воскресеньямъ
отъ 1 до 4 час. дня, по вторникамъ и четвер-
гамъ отъ 6 до 8 час. вечера.

